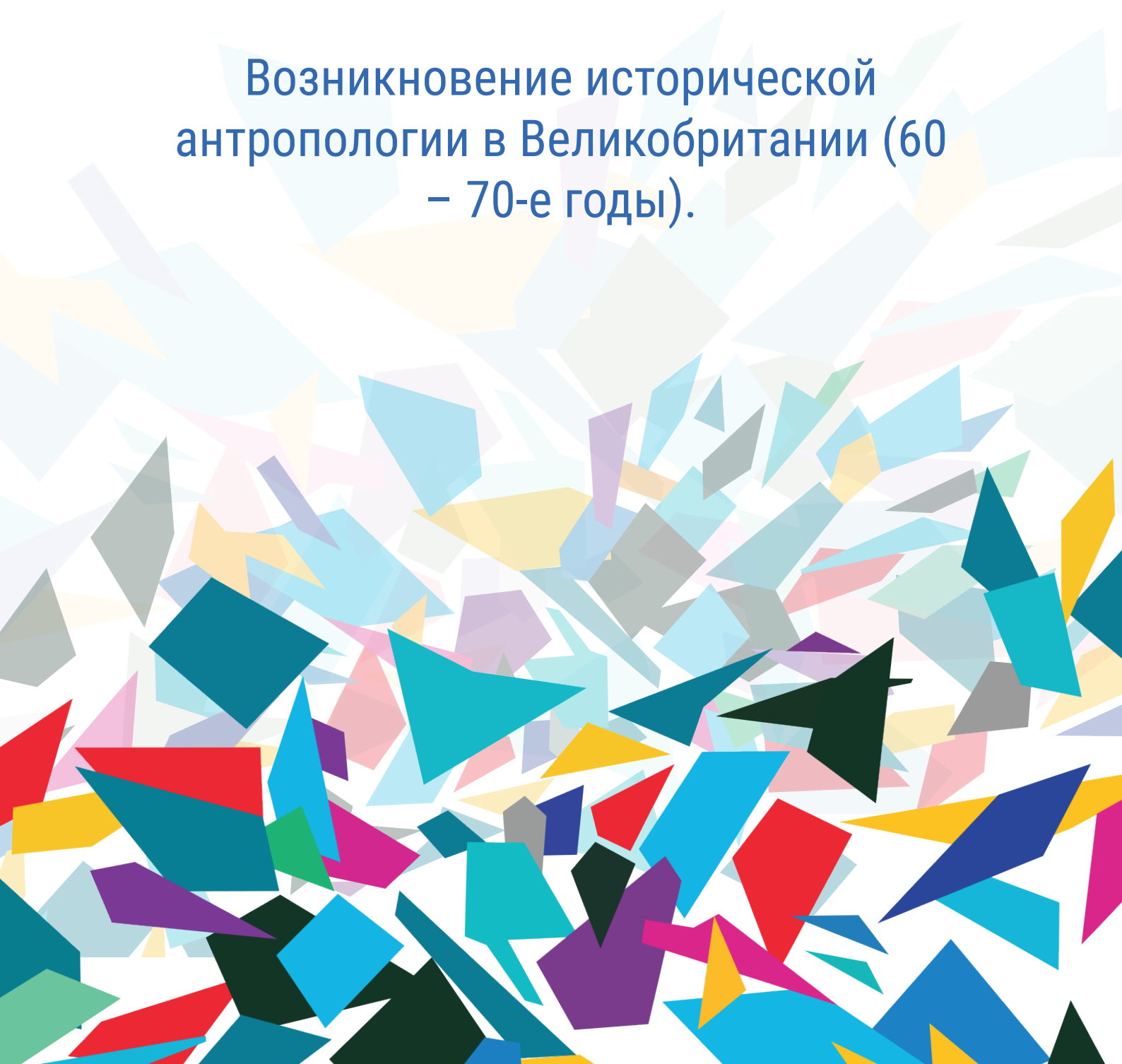

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Возникновение исторической
антропологии в Великобритании (60
– 70-е годы).

Цель - показать особенности формирования исторической антропологии в научных традициях Великобритании 1960-1970гг.

В отличие от французской школы, собственно историко-антропологическая традиция в Великобритании во временном отрезке формировалась позднее, чем во Франции, но ее особенность в том, что она была тесно связана с социальными антропологией и в ходе исследований применялись методы и понятия этой науки.

Для того, чтобы было понятнее, отмечу, что в истории развития в целом антропологии как комплексной дисциплины существует разделение на социальную и культурную антропологию. Такая дифференциация была обусловлена историей возникновения этих научных направлений или школ. Социальная антропология - это специфическая английская антропологическая традиция. Основателем этой традиции и первым, кто ввел понятие «социальная антропология» в научный обиход в 1906 году был английский этнолог Джеймс Фрэнсер.

В исследовательских традициях Великобритании сформировались три крупных направления - физическая антропология, археология и социальная антропология. Но именно термин «социальная антропология», как правило, применялся вместо двух других - «этнология» и «физическая антропология».

Яркими представителями «социальной антропологии» являются всем известные мыслители Эдвард Бёрнетт Тайлор, Бронислав Малиновский, Франц Боас, Альфред Радклифф-Браун.

Методология исследований представителей этого направления основывалась на структурно-функциональном методе, хотя, как мы уже говорили, термин «социальная антропология» предложил Джеймс Джордж Фрэнсер, основателем социальной антропологии считается Бронислав Малиновский. Но в его работах в большей степени присутствовали психологические аспекты анализа культур и его подход в большей степени являлся социально-функциональным. В то время как еще одним из заметных представителей этого направления был Альфред Радклифф-Браун, именно он акцентировал внимание на структуралистском аспекте антропологии и настаивал на исключении из исследования психологического аспекта. Впоследствии это привело к разногласиям между Малиновским и Радклифф-Брауном, и последний отказывался называть себя функционалистом.

Британская социальная антропология в первой половине XX столетия в лице Бронислава Малиновского, Альфреда Радклиффа-Брауна и Эдварда Эванса-Причарда завоевала признание в мировой науке. И, как уже отметили, структуралистское направление, которое связывается в большей степени с А. Радклифф-Брауном, дальнейшее свое развитие получило в трудах последователей Радклифф-Брауна, таких как Эдвард Эванс-Причард, Исаак Шапер, Мейер Фортес, Джек Гуди и другие.

Вместе с тем в 1950-е годы термин «британский структуралист» использовался для того, чтобы подчеркнуть и показать отличие от «Леви-Строссовского французского структурализма». Впоследствии, широко получил распространение термин «британский структурализм», хотя при этом английские антропологи в начале 1960-х годов продолжали ссылаться на работы Леви-Стросса и использовали его методы исследования.

Но фактически нельзя забывать, что и для Радклифф-Брауна, и для Леви-Стросса идейным источником формирования их теорий послужила социология Эмиля Дюркгейма. Радклифф-Браун неоднократно заявлял, что антропология имеет два источника или начала происхождения: первое восходит к эволюционистской школе конца XIX века. Второе связано с выходом в свет публикации фундаментального произведения Шарля Луи де Монтескье - французского писателя, правоведа, философа и политолога, «О Духе Законов», вышедшее в свет во Франции еще в 1748 году.

Другими словами, социологическая традиция лежит в основе идеи о том, что общество систематически структурируется, и что эти структуры изучаются дисциплинами, которые принято обозначать социальными науками. Радклифф-Браун различал социальную антропологию и науку сравнительной социологии, которая изучает всеобщие законы, регулирующие человеческое общество, этнологию как дисциплину, занимающуюся изучением истории примитивных народов, классификацией рас, языков, а также этнографию - дисциплину, в сферу которой входило наблюдение и описание явлений культуры и цивилизации. При этом этнография служила базой, обеспечивающей социальную антропологию и этнологию фактическими материалами.

Действительно, отношение антропологов к истории было неоднозначным. Как пишет в своем учебнике Михаил Кром: «А. Радклифф-Браун, возглавлявший в период между двумя мировыми войнами кафедру социальной антропологии в Оксфорде, категорически заявлял, что история и антропология - «это два

Книга: Историческая антропология

Лекция: Возникновение исторической антропологии в Великобритании (60 – 70-е годы).

Автор лекции: Алия Масалимова

различных метода обращения с фактами культуры» и смешивать их не следует. Эту же мысль подтверждает высказывание английского исследователя теории и истории антропологии А. Барнарда: «Для Рэдклифф-Брауна существует противоречие между историческими и социальными исследованиями. По его мнению, разница между этими двумя заключается в том, что они относятся к разным типам исследований...».

Однако преемник Рэдклиффа-Брауна на этом посту, Э. Эванс-Причард, уже в 1950 году оспорил это мнение и в дальнейшем немало способствовал сближению двух дисциплин. Особенно широкий резонанс получила его опубликованная лекция в 1961 году в Манчестерском университете – «Антропология и история».

Здесь необходимо отметить следующий аспект, почему вообще возникла проблема различения предметных областей казалось бы близких научных дисциплин? Учитывая, что теоретическими основами собственно исторической антропологии признаются идеи, сформулированные еще в начале XX века философской школой неокантианства в лице Вильгельма Виндельбанда, Генриха Риккерта, известными социологами Максом Вебером и Эмилем Дюркгеймом, тем не менее, существовали методологические разногласия.

Эти мыслители подчёркивали, что в центре внимания историка должно быть не выявление всеобщего закона, не характеристика общих законов общественного развития, а изучение конкретной ситуации, понимание того, что каждое историческое событие или факт в той или иной степени имеет свойство однократности, своеобразия и уникальности.

К примеру, в современных справочных материалах и словарях дается такое отличие исторической антропологии от позитивистски ориентированной истории, а именно на смену так называемой «истории-рассказа» приходит «история-проблема». Другими словами, исторической антропологии присуща установка на «диалог» историка с непосредственным историческим источником. То есть с одной стороны, историк стремится понять культуру, отличающуюся от его собственной, а с другой – он ставит перед источником вопросы, интересные для него и для общества, к которому он принадлежит.

Таким образом, историко-антропологическое исследование признает фактор относительности и исторической ограниченности всех понятий, терминов и категорий, которыми обычно оперирует историк. Это говорит нам о том, что важным аспектом исследования выступает именно история понятий, которыми пользовались представители той или иной культуры, и тем самым способствовали изменению содержания и смысла в зависимости от конкретного времени и периода.

Одним словом, в середине XX столетия в Великобритании наметилась тенденция сближения историков и социальных антропологов. Желание историков сотрудничать демонстрирует статья «История и антропология» сэра Кита Вивиан Томаса, профессора Оксфордского университета, опубликованная в 1963 году на страницах журнала Past and Present, в которой он признавался, что интерес к данной теме возник под влиянием вышеупомянутой лекции Эванса-Причарда.

В статье приводился ряд доводов касательно того, что историки могут почерпнуть для себя немало полезного из чтения антропологической литературы.

По мнению Кита Томаса, в первую очередь, знакомство с трудами антропологов содействует большей научной строгости исторических сочинений без свойственной многим из них излишней риторики. Главное, что социальная антропология способна помочь историкам анализировать изучаемое общество как единое целое, в противовес традиционной для них специализации, которая разбивает объект исследования на изучаемые отдельно истории – экономическую, юридическую, военную и другие.

Во-вторых, антропологи, непосредственно изучая те явления, о которых историки могут только прочитать в книгах, например, колдовство или архаические системы родства, могут «подсказать» им новые объяснения и интерпретации, обратить их внимание на неизученные, остававшиеся в тени аспекты жизни прошлого – мифы, ритуалы, праздники и т.п.

Сам Кит Томас активно привлекал материалы исследований этнологов в своих работах 60-х годов, например, в докладе о труде и досуге в доиндустриальном обществе, опубликованном в 1964 году, в том же журнале Past and Present. Его коллега, известный британский историк-марксист, наиболее известный работами о «Долгом XIX веке» («Эпоха революций: Европа 1789-1848», «Эпоха капитала: Европа 1848-1875» и «Век империй: Европа 1875-1914») и «коротком XX веке» – «Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914-1991», теоретик и критик национализма Эрик Хобсбоум в книге 1959 года использовал этнографический материал при изучении народных восстаний.

Согласно исследованиям Михаила Крома, история ментальности как таковая не получила в Великобритании заметного развития. Многие английские ученые долгое время относились к изобретенному

Книга: Историческая антропология

Лекция: Возникновение исторической антропологии в Великобритании (60 – 70-е годы).

Автор лекции: Алия Масалимова

по другую сторону Ла-Манша термину «менталитет» (*mentalité*) весьма скептически. Это обстоятельство, а также сильное влияние социальной антропологии привели к тому, что историческая антропология в Англии довольно рано выступила под собственным именем, в отличие от Франции, где антропологический подход подчас практиковался под флагом популярной “истории ментальностей”.

Ярким подтверждением является книга “Семейная жизнь Ральфа Джосселина, священника XVII века” с подзаголовком “Очерк исторической антропологии”, изданная в 1970 году британским историком и антропологом Аланом Макфарлейн. Его исследование, основанное на дневниках пуританина Р.Джосселина, представляет собой необычную биографию вполне заурядного человека. Но автора интересуют детали его повседневной жизни: хозяйственные заботы, родственные связи, мысли о Боге, о грехе и т.д. При этом все данные источника анализируются в терминах социологии и антропологии, с привлечением обширного сравнительного этнографического материала. И еще одной темой для историко-антропологических изысканий стала история колдовства и магии. Региональное исследование ведовства в одном из графств Англии (Эссексе) в XVI – XVII веках опубликовал тот же А.Макфарлейн.

Наряду с работами Макфарлейна почти одновременно появилась фундаментальная монография Кита Томаса, предметом изучения которой стали народные верования британцев той же эпохи: магия, приращения, вера в духов и фей, астрология и т.д.

Что объединяет этих двух авторов? При разном масштабе исследования (у Макфарлейна - одно графство, у Томаса - вся страна) эти книги сближает не столько общность темы, но их несомненная антропологическая ориентированность. Авторы для сравнения используют этнографический материал, относящийся к неевропейским обществам. Анализ их работ показывает, что на выработку концепции К. Томаса оказали влияние в значительной мере работы Б. Малиновского, в частности, предложенное этим антропологом различие понятий магии и религии. А предисловие к книге А.Макфарлейна написал Э.Эванс-Причард, изучавший в 30-е годы магию и колдовство у африканского народа азанде.

Если сравнивать работу Макфарлейна с исследованием французского историка Робера Мандру “Магистраты и колдуны”, появившимся на два года раньше, то, как мы ранее говорили, французский историк изучал изменение отношения судей к лицам, подозревавшимся в колдовстве. В отличие от него британский коллега подошел к проблеме с другой стороны. А.Макфарлейн исследовал на основании протоколов более 500 ведовских процессов в Эссексе охоту на ведьм на уровне деревни. Его интересовало, кто был обвинителем, а кто – жертвой обвинения в колдовстве. Британский ученый пришел к следующим выводам:

- ведовские процессы возникали на почве конфликтов между родственниками или (чаще всего) соседями;
- среди “ведьм” преобладали пожилые женщины;
- среди тех, кто якобы пострадал от их – ведьминых - козней, были обычно молодые, т.е. имел место еще и конфликт между поколениями.

Используя обширный и разнообразный материал, в том числе учитывая и наблюдения А.Макфарлейна, К.Томас приходит к более общим выводам о характере и причинах многочисленных ведовских процессов в Англии XVI – XVII вв. По его мнению, “ведьмами” чаще всего оказывались социально незащищенные лица, изгои, находившиеся в конфликте с общиной, обычно - бедные женщины. А “черная” магия нередко была единственным оружием слабых.

Кроме того, автор связывает изучаемое явление с социально-экономическими процессами той эпохи, в частности, с упадком средневековой системы деревенской взаимопомощи.

В целом анализируя эти работы, нельзя сказать, что применение антропологического подхода в исторических исследованиях сразу получило в британском научном сообществе полную и безоговорочную поддержку. Были и определенные сомнения. Наиболее веские из них содержались в статье-рецензии Эдварда Томпсона, написанной по поводу книги А.Макфарлейна о Джоселлине и книги К.Томаса о народных верованиях.

Э.Томпсон, сдержанно отозвавшись о первой из упомянутых книг, высоко оценил вторую, но при этом подчеркнул, что своим успехом К.Томас обязан не каким-то новым методам, а мастерскому применению традиционных приемов исследования. Что касается антропологии, то прямые сравнения Англии XVII в. с неевропейскими обществами XX в., к которым часто, например, прибегает А.Макфарлейн, просто некорректны. Автор рецензии вообще высказывает сомнение в существовании особого “антропологического метода” в истории; можно говорить лишь о том, что чтение антропологической литературы расширяет

Книга: Историческая антропология

Лекция: Возникновение исторической антропологии в Великобритании (60 – 70-е годы).

Автор лекции: Алия Масалимова

кругозор историка и т.п. Такое взаимовлияние между дисциплинами Томпсон готов одобрить.

Но чтобы правильно понять взгляды знаменитого английского историка, важно учесть, что в начале 70-х годов Э.Томпсон сам опубликовал несколько работ, выполненных, так сказать, в антропологическом ключе и с привлечением материалов по этнологии Англии, в том числе – получившую широкую известность статью о “моральной экономии” английской толпы в XVIII в. и исследование об английском шаривари.

И позднее, углубившись в изучение традиционного британского общества XVIII в., он прямо признал полезность “антропологического импульса” для постановки новых проблем, акцентирования значения норм и систем ценностей, ритуалов и т.д. Иначе говоря, Э.Томпсон не выступал открыто и прямо против антропологически ориентированной истории как таковой, но он призывал коллег к осторожности в обращении с данными антропологии, к учету исторического контекста.

Подводя небольшой итог особенностям становления исторической антропологии в Великобритании, сделаем ссылку на исследования современного российского историка Лорины Петровны Репиной. По ее словам, «Стремление к обновлению теоретико-методологического арсенала, резко возросшее в западной исторической науке в послевоенные десятилетия, привело к пересмотру традиционных представлений об историческом процессе и возможностях его познания... Ситуация в каждой стране - общественно-политическая, общеинтеллектуальная, историографическая - отличалась своими особенностями, которые определили своеобразие «новой исторической науки» в ее национальных вариантах.

Общим для всех стран было движение за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательскими методами общественных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область узко понятого гуманитарного знания.

Более того, в результате становления и развития «новой исторической науки» значительно расширились предмет, проблематика и методы исторического исследования, были разработаны новые, более эффективные приемы анализа исторических источников, введено в оборот множество исторических фактов. Постепенно «новая история» расширила сферу своего влияния и заняла ведущее место в современной зарубежной историографии.

Вместе с тем Лорина Репина отмечает, что резкое расширение самого предмета истории, рост числа и разнообразия изучаемых объектов и методов их исследования, а также способов обработки источников привели к выделению новых субдисциплин, их организационному оформлению как в научной сфере, так и в системе образования. Например, в области экономической истории развитие «новой исторической науки» привело к появлению новых моделей, заимствованных из экономической науки, к усложнению понятийного аппарата, углубленной специализации исследований, широкому применению количественных методов.

В области политической истории ее влияние выразилось в смещении интереса историков от изучения исторических событий, личностей, отдельных конфликтов к исследованию политических структур, их функционирования и эволюции в социальном контексте. И при этом ведущей областью конкретно-исторических исследований «новой исторической науки» стала социальная история.

Огромное влияние на формирование «новой социальной истории» в Англии оказали работы Эдварда Томпсона, Кристофера Хилла, Эрика Хобсбоума Джордж Рюде, Родни Хилтона, и не только их конкретные исследования, но и теоретико-методологические статьи, а также критические обзоры и огромное число рецензий на работы социальных историков.

Начало качественного преобразования социальной истории в Великобритании связывается с изданием в 1963 году книги Э. Томпсона «Становление английского рабочего класса». Позднее, со второй половины 60-х гг., стали появляться работы по социальной истории, написанные под влиянием М. Вебера и школы «Анналов».

Из числа других факторов, придавших характерные черты социальной истории в Англии, следует назвать сильные вековые традиции различных школ локальной истории и исторической географии.

В 70-80-е гг. многие британские историки подчеркивали интегрирующую функцию социальной истории в системе исторических дисциплин, ставили перед ней задачу синтеза исследований различных сторон и процессов исторического прошлого.

Интенсивность процессов дифференциации и интеграции в науке в связи с расширением самого предмета истории, источниковой базы, методов исследования и способов обработки источников вызвала появление множества новых исследовательских областей.

По мнению исследователей, решающую роль в обогащении социальной истории и изменении ее природы

Книга: Историческая антропология

Лекция: Возникновение исторической антропологии в Великобритании (60 – 70-е годы).

Автор лекции: Алия Масалимова

сыграл подъем массовых общественных движений, и в историографии появились такие субдисциплины, как демографическая история, социально-интеллектуальная история, психоистория. Эти области тяготели к новой социальной истории и в значительной степени переплетались с ней.

К 80-м годам определились такие исследовательские области, как история семьи, детства, образования, города, преступности, социальная история медицины, социальная история религии. Идея изучения «истории снизу», «народной истории» способствовала оформлению «новой рабочей истории», «женской истории», «крестьянских исследований» и т. п. Одновременно происходило складывание «новой локальной истории» и «устной истории», их с социальной историей роднил не столько предмет, сколько новаторские исследовательские методики.

Как и во Франции, интерес к социальной истории, понимание истории развития человечества, потребность изучения происходили на эклектичной основе. Не было определенной методологической базы, что отражалось в многочисленных дискуссиях о предмете, методах и статусе социальной истории.

В ходе формирования новой социальной истории в Великобритании возникли десятки университетских кафедр, отделений, факультетов, научных центров, журналов, связанных с этой отраслью знания. Социальная история стала изучаться в большинстве университетов, политехнических институтов и колледжей. В 60 – 70-е годы положение ведущих центров по изучению новой социальной истории получили статус исследовательских объединений при университетах Кембриджа, Оксфорда, Уорвика, Ланкастера, Сассекса, Эссекса, Лестера, Бирмингема.

В дискуссиях сторонники и теоретики исторической антропологии обвиняли представителей социально-структурной истории в игнорировании гуманистической стороны истории и призывали отказаться от рассмотрения надличностных структур и процессов. Представители антропологической истории постепенно включили в свой предмет поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных групп, независимо от их положения в общественной иерархии. Несомненным достижением этого подхода к социальной истории является разработка методов реконструкции стереотипов сознания, глубинной программы человеческой деятельности, заложенной в культурной традиции и нашедшей выражение как в письменных источниках, так и в предметах материальной культуры, произведениях искусства и т. д.

Таким образом, подведем итог нашей лекции. В Великобритании в 70-е годы произошел явный сдвиг интересов социальных историков от исследования структурных изменений к ментальным представлениям, ценностям, обычаям, моделям поведения и т. п. Иначе говоря, наметился тренд от социологически ориентированной, социально-структурной истории к антропологически ориентированной, социально-культурной истории, или исторической антропологии, претендующей на главенство в исторической науке.

Основные термины

Культурная и социальная антропология, этнология, этнография, структурно-функциональный подход, социология.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990;
2. Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 1999.
3. Лурье С.В. Историческая этнология: Уч. пос. для вузов. М., 1997.
4. Barnard A. History and Theory in Anthropology. Cambridge University Press, UK 2004.
5. Минюшев Ф.И. Социальная антропология. М., 1997.
6. Никишенков А.А. Из истории английской этнографии: Критика функционализма. М., 1986.
7. Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991;